

Если изначально известно,
что проклятие наложено
мощнейшее, лучше сразу
отступить. Иначе находка
долго еще будет внукам
и правнукам аукаться...

александр масалов

ЗОНА РИСКА

ISBN 978-5-9524-4062-3

9 785952 440623

**проклятое
золото**

Александр Александрович Масалов

Проклятое золото

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591205
Проклятое золото: Центрполиграф; М.; 2009
ISBN 978-5-9524-4062-3

Аннотация

Происходящее вокруг Аксайской крепости издавна окутано тайной. Местные легенды связывают здешние подземные ходы с богатыми казацкими кладами, с древними монастырями. Поход в подземелье сулил двум безработным приятелям адреналиновое приключение и легкую наживу, да вот только не учли они, что окажутся не единственными охотниками за драгоценностями...

Содержание

От автора	4
День первый	9
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Александрович Масалов Проклятое золото

От автора

В России трудно найти человека, не слышавшего, чем известен Ростов-на-Дону. У города Аксая (минут сорок езды на автобусе от Ростова-папы) другая слава – не криминальная, а мистическая. Вот только знают об этом лишь историки, краеведы, археологи, эзотерики... и кладоискатели, разумеется.

У Аксая много тайн и загадок, но сейчас я хотел бы поговорить только о подземных ходах.

Неизвестно, кто их прокопал и зачем. Если верить легендам, они тянутся на десятки километров. Иногда при земляных работах на них натываются строители и тогда вызывают археологов. Археологи обследуют пять – десять метров подземелья (дальше идти или ползти не решаются: потолок в жутком состоянии, того и гляди все обрушится), и строители засыпают лаз. А то – не дай бог! – туда проникнут обыватели, из любопытства или в поисках сокровищ...

По мнению серьезных историков, ходы выкопали донские

казаки. Дескать, казаки, люди воинственные, сделали это на случай осады неприятелем Аксайской крепости. Ну, чтобы в любой момент иметь возможность незаметно покинуть крепость – сходить, например, за провизией или устроить вылазку в тыл осаждавшим. . .

Длину подземелий при этом занижают. В самом деле, прокопать триста – четыреста метров – непростое дело, учитывая технические возможности XVI—XVII веков, но вполне реальное. А вот если допустить возможность существования подземных тоннелей в несколько десятков километров, то это не меньшее чудо, чем возведение египтянами пирамид.

Менее ортодоксальные историки и краеведы считают, будто подземные ходы существовали еще до казаков и появления первых поселений в том месте, где со временем раскинулся город Аксай. В качестве доказательства они ссылаются на документы XVII века. Так, в письмах атаманов иногда встречаются рассказы о том, как казаки, выкапывая колодцы, натыкались на чужие подземные ходы, столь широкие и высокие, что там могла проехать повозка. И тоннели эти были старые: мощный камнем пол покрывал толстый слой пыли. . .

Несмотря на многолетние изыскания, и ныне протяженность, направление и происхождение «подземного Аксая» – тайна за семью печатями.

Те, кто, вероятно, знал о ходах больше других, погибли в начале 20-х годов: одни умерли голодной смертью, другие

были расстреляны красноармейцами или сгинули в лагерях – я имею в виду монахов-отшельников, несколько веков живших в подземном монастыре на Кобякином городище (холм близ Мухиной балки)...

Это, между прочим, тоже увлекательная местная легенда. Казаки – еще во времена петровских походов на Азов – заметили, что некоторые местные жители время от времени носят в Кобякино городище корзины с едой. Долго не могли узнать, кого они там кормят. Любые попытки выследить гонца заканчивались неудачей – те кружили, потом словно исчезали, а когда возвращались в станицу, корзины были пусты. В конце концов кто-то проболтался, будто в районе Кобякина городища есть лаз, ведущий в подземный монастырь, где уже много веков живут святые люди – отшельники. Монахи ушли из мира, когда при Владимире Красное Солнышко Русь крестилась, и сторонники более ранних форм христианской религии испытали гонения. Лаз надежно укрыт. Надо точно знать, где он находится, чтобы проникнуть внутрь.

Кроме того, на вершине Кобякина холма находится (варианты легенды: закопан, стоит в подземном храме...) каменный крест, обладающий сверхъестественной силой, – он оберегает монастырь.

Есть предание о том, что, когда татаро-монгольские орды захватывали земли, ныне относящиеся к Аксайскому району Ростовской области, они боялись даже приближаться к Кобякину городищу. Самые храбрые воины испытывали неопису-

емый страх, лошади становились на дыбы и сбрасывали всадников, а по ночам вершина холма источала голубоватое сияние...

Само существование подземного монастыря – это не миф. Он был.

В середине 20-х годов XX века экспедиция профессора Миллера проводила раскопки акрополя на вершине холма. Случайно был найден вход в подземелье: рабочие увидели, как из щели выползла змея. По кладоискательским поверьям эта примета означает «к находке клада». Обуянные нежаждой познания, а жаждой наживы, рабочие разгребли двухметровый завал и проникли в огромное помещение. Золота, бриллиантов или чего-нибудь мало-мальски ценного не обнаружили. Разочарованные донельзя рабочие вышли из подземелья с пустыми руками и сообщили о находке профессору Миллеру.

Ученого храм, разумеется, заинтересовал. По характерным каменным светильникам он установил, что монахи, жившие под землей, исповедовали некий особый вариант христианства. На восточной стене был алтарь – ниша с истлевшим деревянным шкафчиком и фрагментами ритуальных сосудов. По полу, от алтаря к противоположной стене, пролегла цепочка, выложенная из медных нательных крестов. Когда проверили направление цепочки по компасу, выяснилось, что она тянется с востока на запад...

Миллер успел изучить кельи, примыкающие к храму. Да-

же обнаружил несколько лазов, ведущих куда-то дальше, под землю... А потом Москва вдруг сменила руководство экспедиции. Был назначен другой начальник, и изучение монастыря прекратилось.

Много лет в подземный храм приходили местные подростки – покурить, выпить вина. А потом в 30-х годах ко-го-то засыпало во время обвала, и власти распорядились взорвать храм...

К чему я все это рассказываю? Я решил написать этот роман, когда услышал предположение: а вдруг подземные ходы Аксая, ставшие легендарными, – это на самом деле коммуникации монастыря, выкопанные монахами-отшельниками? Чем они вообще занимались под землей на протяжении многих веков? Только ли Богу молились, являясь хранителями корней нынешнего христианства? Или, возможно, у них была и другая, тайная, миссия?

P. S. Хочу предупредить читателей, что сюжет романа основан на версии, в академических кругах хождения не имеющей. Не пытайтесь пользоваться этой книгой как руководством к действию – пожалейте свое время. И хоть в тексте упоминаются реальные географические названия (городов, поселков, станций), все описанные события, а также названия организаций, улиц и фамилии персонажей являются вымыслом.

День первый

(с трех утра до полуночи)

Со стороны они очень походили на Винни-Пуха и Пятачка.

Один был толстый и высокий, в джинсах, сандалиях на босу ногу и старой черной майке с длинными рукавами. Он нес на плече потрепанную дорожную сумку.

Другой – щуплый, на голову ниже, в синей шведке, черных брюках и обшарпанных туфлях – много суетился и все время поправлял мизинцем очки, сползающие с потного носика...

Они шли по проселочной дороге, освещенные только лунным светом, родной поселок остался далеко позади, а Пятачок все никак не мог совладать с острым приступом словесного поноса:

– ...А если нас сторож засечет?

– Не бзди! – Винни-Пух ухмыльнулся. – Я знаю, что делаю.

– Нет, а вдруг? Тогда что?

– Грохнем его – вот и все...

Пятачок остановился, как будто налетел на стену.

– Коля, ты что, совсем обалдел?! Я возвращаюсь домой!

– Расслабься. Я пошутил.

– Шутки у тебя!.. – с чувством заметил Пятачок. – А если серьезно?

– Сегодня дежурит кто? Михалыч. Ты Михалыча помнишь? Ну, у твоего отца был приятель хромой – он в детстве с мотоцикла упал. Так Михалыч – его шурин.

– Давно это было...

– Он, как приступит к дежурству, начинает квасить. И к часу ночи готовый – только этикетки не хватает. А сейчас уже три часа. Голову дам на отсечение – он дрыхнет без задних ног, а служба идет, и что творится на территории – Михалыча не колышет.

– Ага... – сказал Пятачок вдумчиво. – Понятно...

Но через минуту, едва они углубились в рощу, сразу за которой начиналась территория завода железобетонных конструкций, снова дал волю языку:

– Мы ж много не унесем...

– Килограммов по двадцать осилим, – сказал Винни-Пух. – Может, и по тридцать. А это рублей пятьсот... Я как-то раз сорок шесть килограммов один спер. Но больше я на такие подвиги не пойду – пока донес, чуть пупок не развязался...

– Пятьсот рублей... – мечтательно произнес спутник. – Неплохо бы. – Тут он ногой зацепился за что-то и чуть не грохнулся. – Ч-ч-черт!..

– Под ноги лучше смотри, – буркнул Винни-Пух. – А то вместо цветных металлов мне придется домой тебя тащить.

И помалкивай – уже подходим...

– Если сторож, как ты говоришь, в самом деле нажрался и спит, то кого нам бояться?

– Ну, береженого Бог бережет...

Пятачок наконец-то замолчал.

Для своих лет – через месяц стукнет тридцать два года – Владимир Герасимов выглядел крайне несолидно. Больше двадцати пяти ему никто не давал.

Сразу после армии он уехал из родного поселка в большой город. Закончил строительный институт и вскоре женился на бывшей сокурснице. Не от большой любви – просто надоело скитаться по общагам и чужим углам...

Пока дома все было хорошо, ему казалось, что город его принял. Но после того, как родилась дочь, характер жены стал портиться.

Если отбросить обычную демагогию, в которой способна утонуть истина, то претензии сводились к размеру его зарплаты – рядового сотрудника архитектурно-строительной фирмы. «Это не деньги, – говорила она, когда он ежемесячно пятого числа выкладывал на кухонный столик купюры. – Это так, от голода не умереть. Я, женщина, и то получаю больше тебя!..»

Втайне от руководства фирмы Владимир некоторые заказы по проектировке и согласованию в городском архитектурном управлении стал выполнять самостоятельно.

Реакция жены на эти «гонорары» его поразила – ни «Спа-

сибо...», ни «Молодец!..». Полное равнодушие пополам с безразличностью. А когда вспыхнула традиционная семейная свара и он заметил, что все-таки старается – на прошлой неделе, например, восемь тысяч заработал сверх зарплаты, Оля бросила: «Ну так мне теперь что – ноги раздвинуть?»

Развязка наступила достаточно быстро. Кто-то в конторе узнал, какие номера он выкидывает. Состоялся весьма неприятный разговор с руководством фирмы. Владимира уволили. Да еще и слухок пустили по городу среди архитекторов.

Три месяца безработный получал пособие от районного центра занятости, рассылал резюме и бродил по кабинетам потенциальных работодателей. А на четвертый месяц, вернувшись домой, Владимир обнаружил чемоданы в прихожей...

Пока длился бракоразводный процесс, он кантовался у знакомых, а потом решил: «Да черт с ним, с этим городом!» – и вернулся в родной поселок, совершенно упустив из виду, что с работой здесь еще хуже, причем с любой. Владимир поселился в родном доме, у замужней сестры, и на второй месяц настолько отчаялся, что, когда друг детства Колька Крамаренко предложил этой июньской ночью немного подзаработать, согласился не раздумывая...

Около забора они остановились. Колька приник ухом к шершавой поверхности и прислушался, а потом достал из сумки монтировку и поддел ближайшую доску.

Краккк!..

– Ну, с Богом!.. – негромко сказал Колька и полез в щель первым.

Территория была залита светом прожекторов, как съемочная площадка. Полутьма царила только вдоль забора.

Вдруг где-то неподалеку залаяли собаки.

– А об этом я как-то не подумал, – пробормотал Владимир.

– Расслабься, – сказал приятель. – Собаки здесь битые. Если сторожа поблизости нет, они из своего закутка не вылезут. Хитрые, суки, – жить хотят...

– А Михалыч...

– Михалыч спит без задних ног. Сколько раз это тебе надо говорить? Пошли!..

Метрах в сорока от трансформаторной будки – небольшого квадратного домика из красного кирпича с навесным замком на железной двери – Колька скомандовал:

– Видишь во-о-он ту бытовку? Поглядывай из-за нее на центральную аллею. Если увидишь людей, свистни и беги. А я поковыряюсь...

«Получается, я еще не дорос, чтобы лично добывать цветные металлы, – не без иронии подумал Владимир. – Мне предлагают на стреме стоять...»

Впрочем, он не стал возражать. Чем быстрее все это закончится – тем лучше. Ему что-то уже и денег не хотелось. Хотелось вернуться домой и лечь на продавленный диван. А что будет завтра? То же, что вчера и позавчера...

За спиной послышались торопливые шаги. У Владимира внутри все дрогнуло. Оглянулся и с облегчением перевел дух – это был Колька. С перекошенным от возмущения лицом.

– Ты только подумай, какие сволочи!

– А что, что случилось?!

– Пусто. Все – на хрен! – подмели. Хоть бы один проводок для смеха оставили!.. Придется, значит, в цех лезть. Там электромоторы. В каждом по двадцать килограммов медной обмотки. Два-три раздербаним – и мы на коне!

И Колька неторопливо, чуть нараскорячку, зашагал к ближайшему зданию. Следом поволокся Владимир.

– Цех наверняка заперт, – промямлил он.

– А окна на что?

– Коля, если нас поймают, сколько могут дать?

Приятель усмехнулся, открыл рот, но ответить не успел: из-за угла здания вдруг вывернул милицейский газик, озаряя окрестности синим светом проблескового маячка на крыше.

– Твою мать! – заорал Колька. – Бежим!.. Ты направо, я налево!..

У Владимира словно крылья на ногах выросли. Мелькнули зарешеченные окна и каменная стена, потемневшая от времени. Потом какая-то узкая щель между двумя постройками, заваленная хламом. Ветка кривого дерева разодрала щеку – он и не почувствовал. Боль заглушила сердце, бешено колотящееся в груди...

А потом Владимир вдруг обнаружил, что никуда не бежит, а стоит – расставив ноги и опершись ладонями о грязную стену. Чьи-то руки скользнули от подмышек до ботинок.

– Оружия нет, товарищ капитан!

– Ясен перец, что нет. Стволы в нашем поселке можно по пальцам пересчитать!.. Что ты тут делаешь?

Не сразу Владимир понял, что этот вопрос задан ему.

– Что?

– Не прикидывайся глухим и дурным!

В поле зрения появилась голова, круглая, как шар. Уши торчали топориками, поддерживая старую милицейскую фуражку с гербом еще СССР.

Неожиданно для себя Владимир выпалил фразу, которую много раз слышал в кино:

– Я буду отвечать на вопросы только в присутствии своего адвоката! – И тут же сложился пополам от сильного удара в солнечное сплетение.

– Ни хрена себе! – прокомментировал кто-то. – Дожились, блин! Демократия в действии. Судя по морде, неделю не жрал, а свой адвокат у него есть!.. Ладно, в отделении по-

говорим.

Владимиру завернули руки и сковали наручниками. Затем ухватили под локотки и засунули в газик. Не в самую машину, а в «обезьянник».

Через несколько минут привели Кольку. Он привычно сел на заплыванный металлический пол, вытянул ноги и произнес озабоченно:

– Ты прикинь, Вован, какое запаadlo...

Владимир не ответил.

– Михалыч, оказывается, заболел. Сегодня дежурил другой сторож...

* * *

Голливудский боевик закончился слащавым хеппи-эндом: главный герой, замочивший всех врагов и спасший Америку, присосался к губам длинноногой блондинки, с которой он познакомился на пятой минуте фильма. А кто сомневался, что будет иначе? Пусть даже полфильма они цапались, как зять с тещей...

Титры закончились. Пошла заставка: «Спокойной ночи, уважаемые телезрители! До новых встреч на нашем канале!»

Капитан Алексей Сопуцкий глянул на часы. Начало четвертого, скоро начнет светать. Выключил «ящик», поднялся и зашагал в дежурную часть – очень высокий и очень худой. Со стороны глянешь – циркуль идет.

В дежурке сержант Евгений Васюкин, будучи немного под хмельком, делился радостью:

– Уехала, сука! А ведь прикатила всего на пару дней. «На внучка, – говорит, – хочу посмотреть!»

Неплохо бы выпить, подумал Сопуцкий. Отметить, так сказать, конец смены.

– Ты уверен, что она уехала? – спросил у Васюкина самым невинным голосом.

Тот ответил не без гордости, махнув широкими, как весла, ладонями:

– Сам купил билет, посадил в автобус и рукой помахал!

– Не прошло и трех месяцев... Отмучился, значит.

– А то! Верно говорят: чем дальше живут родственники, тем отношения крепче!

– Ну, тогда с тебя причитается, – сказал капитан. – А то гляди, она теперь дорогу знает. Как бы не вернулась...

Окружающие встрепенулись. Идея понравилась.

– Точно, Женя... Это дело надо обмыть... Давай дуй... Слышишь, что тебе капитан сказал?

Сержант понял, что попал на водку. Матюкнулся, сел в газик и уехал.

– Что у нас осталось пожевать? – спросил Сопуцкий.

Выяснилось, что есть немного сала, вареная колбаса и уполовиненная буханка хлеба. Деревянный стол в углу дежурки накрыли старой газетой. Поставили на нее стаканы и щербатые тарелки...

Только стали резать сало, колбасу и хлеб, как вдруг слышался звук приближающейся машины.

– А почему так быстро? – проворчал Сопуцкий. – Неужели он за «паленкой» в станицу поехал? Вот же жмот!..

Кто-то приткнулся к стеклу.

– Не, это вневедомственная охрана.

М-да, посидели, называется! Капитан взял со стола фуражку, надел и отправился из дежурки в коридор – встречать.

* * *

Первым в предбаннике нарисовался старый приятель, младший лейтенант Игорь Попов. Затем – два парня в наручниках. Шествие замыкал незнакомый сотрудник вневедомственной охраны в чине сержанта.

Сопуцкий глянул на задержанных. Та-ак... Один – Николай Алексеевич (или Александрович?) Крамаренко, безработный, местный житель, несколько приводов, уже привлекался к административной ответственности за кражу цветных металлов... Лицо второго – хоть убей! – знакомо, но капитан не мог вспомнить, кто это и при каких обстоятельствах они виделись в последний раз.

– Здорово, Леша, – сказал Попов. – Ты сегодня старший?

– Как всегда, – ответил Сопуцкий.

– Тогда принимай гавриков. Проникли ночью на террито-

рию комбината. Украсть ничего не успели. В сумке – ножицы по металлу, мешки...

– Ясенько.

– Не наша эта сумка! – запротестовал Колька. – В первый раз вижу!

– А что вы тогда на территории делали? – спросил Сопуцкий.

– Отлить зашли. А тут охрана...

– Не первый раз встречаемся, а врать так и не научился. Вот снимем пальчики с сумки и инструментов... Тогда иначе запоешь!

– Рапорт сейчас нужен? – спросил Попов.

– Можно и утром.

Входная дверь снова отворилась. На пороге появился Васюкин, крепко прижимая к груди синий пакет. В пакете звякали бутылки. Сержант замер, обвел присутствующих глазами.

– Пить будешь? – спросил Сопуцкий.

– В другой раз. – Попов мотнул головой. – Нам возвращаться пора.

– Ну, как знаешь. Бывай.

Едва за вневедомственниками закрылась дверь, Васюкин спросил:

– Что-нибудь серьезное?

– Цветные металлы.

– Козлы, блин! Устроились бы на работу, как все нормаль-

ные люди, и не парили бы нам мозги!.. Что делать будем?

– Сейчас определимся. Веди в мой кабинет.

Васюкин сунул капитану пакет, расстегнул кобуру и зарычал:

– Эй, уроды! Вперед и с песней. И без глупостей! А то я обожаю по ногам стрелять!

Задержанные уныло поплелись по коридору, сопровождаемые Васюкиным. Сопуцкий проводил их взглядом, достал сигареты. Прикуривая, шагнул к прозрачной перегородке, отделяющей дежурку от предбанника. Стукнул пальцами в стекло. Сержант Лебедев придвинулся к прорези:

– Что?

– Слышь, Вася... Как у нашего райцентра с кражами цветных металлов?

– В норме. План по задержаниям на этот месяц выполнен.

– Значит, эти не очень-то и нужны?

– Да с них, ты ж сам видел, взять нечего! Голытьба поселковая!

– Один из них рецидивист. К административке уже привлекался. Теперь ему светит уголовное дело.

– Ну, попробуй раскрутить... Как мне их зарегистрировать?

– Ты пока не регистрируй.

– А вдруг вневедомственная уже сообщила, что задержаны двое?.. Эх, надо было тебе с Игорьком потолковать, пока он был здесь!

– Напиши, что они задержаны по подозрению в намерении совершить кражу цветных металлов на территории комбината. По подозрению, ты понял?

– А подозрение может и не подтвердиться...

– Вот-вот, соображаешь.

Капитан направился в кабинет.

Рецидивист Крамаренко сидел на стуле и всем своим видом демонстрировал полное безразличие к происходящему. Дескать, па-а-адумаешь, какая фигня! Не впервой. Прорвемся!..

Его подельник, наоборот, повесил нос. Такой имел вид, как будто через минуту его поведут на расстрел. В первый раз, наверное, загребли...

«Чертовски знакомое лицо, – снова подумал капитан. – Где я его видел?» И приказал Васюкину, подпиравшему стену у двери:

– Будешь вести протокол. Бумага в столе. Ручку я тебе сейчас дам.

– Своя есть, – ответил Васюкин.

– Как фамилия? – спросил капитан, обращаясь к Кольке.

– А то не знаешь...

– Не буди во мне зверя, – в тон задержанному произнес Сопуцкий. – Фамилия?

– Ну, Крамаренко.

– Без «ну». Имя, отчество?..

Покончив с Колькой, капитан обратился ко второму за-

держанному:

– Фамилия?

– Герасимов. Владимир Юрьевич.

– Год рождения?

– Семьдесят четвертый.

– Адрес постоянной регистрации?

Едва задержанный начал говорить, капитан обмер. Потом спросил негромко:

– Вовка, это ты, что ли?

* * *

– Ну, за встречу, – сказал капитан. – Тыщу лет не виделись.

– Больше, – сказал Владимир.

Чокнулись, выпили.

– Закусывай, не стесняйся... – Сопуцкий придвинул к нему тарелку с салом. – После армии ты, кажется, поступать хотел... Закончил?

– А как же! Я – дипломированный архитектор.

Слово «дипломированный» Владимир произнес со второй попытки – язык уже начал заплетаться. Двумя пальцами взял кусочек сала, положил в рот и начал медленно жевать.

– Все у тебя не как у людей! – рассердился капитан. Схватил два куска хлеба, положил перед задержанным. На один кусок набросал сала, а на другой – колбасы. – Ешь!

– Погоди, я еще сало не разжевал...

– Вовка, не выпендривайся!

– Скажи, Леша, в райотделе менты всегда пьют с преступниками?

– Ты еще не преступник. Ты просто оступился. Тебя еще поправить можно.

– Воспитывать, значит, будешь?

– Сюда зачем приехал? – спросил капитан. – Тебе в город надо.

– Был я там. Очень не понравилось. А здесь я хоть с голоду не умру. И за квартиру платить не надо.

– Дальше что делать будешь?

– Не знаю.

– В любом магазине или на рынке можно грузчиком подрабатывать. Или диплом о высшем образовании давит на голову?

– Леша, какой из меня грузчик? Допустим, подниму я ящик. А кто меня потом поднимать будет?

– Да, помню... С физподготовкой у тебя было хуже всех в части. И ты решил встать на скользкую дорожку?

– А что остается?

– Честно скажи, не для протокола... Сколько раз по цветные металлы ходил?

– Дебют. – Владимир усмехнулся. – И сразу попался.

– Может, оно и к лучшему... Тебе Крамаренко кто?

– Приятель, со школы знакомы. Хороший парень.

– Ничему хорошему этот «хороший парень» тебя не научит. Сперва, значит, цветные металлы. Потом – домики в садово-дачных товариществах. А от них до обычных квартирных краж один шаг. А это уже серьезное преступление. Сядешь. И надолго. – Капитан помолчал немного, предложил: – Давай, Вова, еще выпьем. За то, чтоб я тебя в райотделе больше не встречал.

– Почему бы и нет...

Выпили.

– Что ты как маленький? – прорычал Сопуцкий, глядя на нетронутые бутерброды. – Закусывай, я кому сказал!

Герасимов взял один, откусил, пожевал. Блаженно улыбнулся:

– Когда это я в последний раз колбасу ел?

– Вовка, я серьезно говорю: тебе очень повезло – ты попался в мое дежурство и ничего серьезного натворить не успел. Я даже протокол составлять не буду. Ограничусь в отношении тебя профилактической беседой. Но если еще раз попадешься, получишь на полную катушку! Никаких скидок на армейскую дружбу не будет!

– Спасибо, Леша.

– Телефон есть?

– У сестры есть, мобильник.

– Запиши номер. Подвернется работа – я тебе сообщу.

Владимир взял со стола авторучку, огляделся.

– Дай бумажку.

– Пиши на календаре.

* * *

Когда Владимир выводил последние цифры на перекидном календаре капитана, открылась дверь и на пороге появился Колька Крамаренко. Страшно довольный. В каждой руке держа по двухлитровой бутылки, наполненной какой-то мутноватой жидкостью.

– Вот, командир. Как и договаривались...

Сопуцкий отвинтил крышечку, понюхал.

– У кого взял?

– У бабы Веры. Лучший самогон в округе!

– Фирма солидная, – подтвердил капитан. Спросил у Владимира: – Пробу снимешь?

– Не откажусь. Наслышан.

Сопуцкий налил в стаканы – себе и Владимиру.

– Э?! – Лицо Кольки вытянулось от обиды. – Я ж принес!

– С рецидивистами не пью!

– Не очень-то и хотелось, – буркнул Колька. И демонстративно уставился в окно.

Выпили.

– Крепкая штука, – сказал Владимир, утирая губы рукавом. – Только слишком едкий какой-то. И в нос шибает.

– Это с непривычки, – сказал капитан, закусывая салом. – Самогон первоклассный!.. – Тут он оживился. – А знаешь,

Вовка, что я подумал, когда понял, что задержанный на территории комбината – это ты? Что ты туда пришел клад искать!

– Клад? – удивился Владимир. – На территории комбината?!

– Ну да.

– Леша, ты сам подумай, что говоришь: какие там могут быть клады?!

– Это старая история, – сказал Сопуцкий. – Лет тридцать назад, когда строители рыли фундамент под комбинат, наткнулись на подземелье. Без входа и выхода. И на полу якобы валялось золотое распятие размером с член Петра Первого... – Капитан развел руки и хмыкнул. – Вот такой! Куда оно потом делось – никто не знает. Зато слухи появились, будто там алтарь еще есть, из чистого золота... Уж сколько лет прошло, а время от времени кто-нибудь роет. Как-то ночные сторожа – бывшие шахтеры – из подвала комбината пытались штрек проложить. Метров тридцать успели продолбить, а потом их накрыли...

– Со школы кладоискательством не балуюсь. – Владимир пожал плечами. – Отец, помнится, так выдрал, что я две недели сидеть не мог.

– Пусть он тебя сегодня еще раз выдерет. Чтоб цветными металлами больше не занимался!

– Папы давно нет. Умер.

– Извини, не знал... Крамаренко!

– Ась? – Колька обернулся.

– Твой приятель – парень нормальный. Не ломай ему жизнь. Оставь его в покое. Слышишь?

– Как скажешь, капитан!

– И сам берись за ум, пока не совсем поздно. Я тебя отпускаю только потому, что не хочу Вовку впутывать. В следующий раз посажу, однозначно!

– А протокол задержания?

Капитан молча взял со стола протокол, показал издали и порвал на куски. Сунул Кольке в руку.

– Когда выйдешь из здания – выброси. Проваливай!

– Понял, проваливаю! – обрадовался Колька. – А Вован?

– А мы еще немного посидим.

– На здоровье. Прощай, капитан!

Сопуцкий криво усмехнулся, но ничего не сказал.

* * *

Минут через пятнадцать, когда они выпили еще два раза, капитан развел руками:

– Вовка, ты извини, конечно... Я вообще-то на службе.

– Конечно, я понимаю.

Они выпили на посошок, и Владимир встал. Его покачивало.

– Сам дойдешь или машину дать?

– Я лучше прогуляюсь.

– Как знаешь. Ты глупости больше не делай, ладно?

– Не буду.

– Если захочешь, приходи в гости. Я в поселке Глубоком живу. Улица Овражная, дом девять. Запомнишь?

– Запомню.

– Давай я тебя провожу.

Проходя мимо дежурки (за стеклянной перегородкой сизо от дыма, пьянка в самом разгаре), Владимир поинтересовался:

– А если начальство приедет – нежданно-негаданно?

Открывая входную дверь, Сопуцкий усмехнулся:

– Нежданно-негаданно не получится. А взаимовыручка на что? Нам маякнут... Ну, пока, Вовка. Рад был тебя видеть. Жаль только, что при таких обстоятельствах. Не пропадай!

– Не пропаду, – пообещал Герасимов.

Он закурил дешевую сигаретку без фильтра и зашагал в предрассветную мглу.

На свежем воздухе хмель начал улетучиваться, и в голову пришла мысль: так жить нельзя. Может, правда уехать в город? Не в Ростов, а в какой-нибудь другой, подальше, где никто не знает об его подмоченной репутации.

Вот только где взять деньги? На билет, на аренду квартиры, оформление временной регистрации...

Поиск работы займет какое-то время, а первая зарплата – еще через месяц. Значит, нужны средства, как минимум, на два месяца скромной жизни в чужом городе, без друзей и

знакомых, которые могут подкинуть сотню-другую или пригласить на ужин...

Владимир прикинул сумму. Сестра Ленка и трети одолжить не сможет. Она сама колотится как рыба об лед, чтоб свести концы с концами.

Попросить у ее мужа Сергея, когда он вернется с заработков? Отношения не те.

Может, устроиться на любую работу – хоть дворником? Откладывать рублей по сто в месяц... Это ж сколько лет придется здесь прозябать, надеясь на лучшую жизнь?!

Вдруг от дерева, росшего справа от дороги, отделилась тень и шагнула наперерез...

– А, это ты... – сказал Владимир.

– Как настроение, дружбан? – заорал Колька.

– Замечательное.

– У меня тоже. Слышь, Вован, такую удачу надо обмыть!

– О чем ты? Мы ж с пустыми руками возвращаемся...

– Не окажись капитан твоим армейским товарищем, тебя бы в ближайшие дни оштрафовал мировой судья, а я бы давал показания в прокуратуре. Денег, чтоб отмазаться, нет, так что в лучшем случае я бы отделался условной судимостью...

– А в худшем?

– Колония общего режима.

Владимир немного помолчал.

– Коля, спасибо тебе, конечно, за желание мне помочь, но

больше я с тобой на дело не пойду.

– Ты просто еще не очухался. – В голосе Николая зазвучали покровительственные нотки. – Через пару дней поговорим.

– И через пару дней я тебе скажу то же самое.

– А жить на что будешь? – С издевкой: – Клады искать?

– А хоть и клады. Нашел – это не украл!

– Понятно. – Колька заржал. – Честным хочешь быть?

– Хочу. Насколько это возможно.

– Тогда я тебя очень огорчу. Клагоискательство – это тоже преступление. В некоторых случаях за него сажают.

– Надолго?

– Не знаю, по этим статьям я не привлекался... Скажи-ка, Вован, а как бы ты поступил с кладом? Неужели, как честный человек, отдал бы государству?

– Еще чего! – Даже в полутьме было видно, что Владимира перекосило. – Я на одни и те же грабли дважды не наступлю.

– Значит, оставил бы себе – любоваться цацками?

– Продавал бы кое-что по мелочам время от времени, чтоб жить безбедно...

– Поздравляю, Вован! – Хохоча, Колька пожал ему руку. – Еще одна статья, «незаконный оборот изделий из драгоценных металлов»! Отягчающие обстоятельства – добытых незаконным путем и представляющих историко-культурную ценность!..

– Хватит юродствовать, – буркнул Владимир. – Я этого не знал.

– А незнание законов, друг мой, не освобождает от ответственности!

– Да ну тебя!..

Владимир резко свернул с грунтовки. Поволокся через лесополосу. Сразу за лесополосой будет поле кукурузы. А за ним – родной поселок...

За спиной послышался хруст веток. Все ближе и ближе.

– Ну ты чего? – прозвучал за спиной Колькин голос.

– Я сказал: все, никуда с тобой больше не пойду!

– А за водкой сходим? Посидим у меня во дворе... Надо же все-таки отметить наше освобождение!

Владимир подумал немного. Кроме водки наверняка будет еще закуска. Не только квашеная капуста и соленые огурцы, а и что-нибудь мясное...

– Это можно, – согласился он.

* * *

Некоторое время шли молча.

– Слышь, Вован, – сказал Колька. – Я кое-что не догоняю. Ты сказал «дважды на одни и те же грабли не наступаю». Значит, ты когда-то нашел клад?

– Было дело. Только не я его нашел, а он меня.

– Во, блин! Как это?

– Знаешь балку около Кобякина городища?

– Мухинскую, что ли? Рядом еще аксайский музей...

– Нет, другую, чуть дальше.

– Слышь, не тяни кота за хвост. Как дело-то было?

Отчего ж не рассказать? Все лучше, чем слушать Колькины разглагольствования и поучения. Да и вспоминать те времена – счастливые, беззаботные, полные веры в светлое будущее – приятно...

– Пошли мы туда как-то с мальчишками – в войну играть, – начал Владимир. – Я был красноармейцем. Когда мы перешли в атаку, «фашисты» драпанули. Как сейчас помню: я погнался за... Черт, как его звали? Высокий такой бугай, рыжий, с угрями на морде...

– Не важно! Дальше!

– Бегал он будь здоров. Как понесся по бурьяну!.. Пытался укрыться в трансформаторной подстанции, но дверь была заперта... Догнал я его только у балки. Склон крутой, но «фашист» стал спускаться вниз. Думал, наверное, что я побоюсь. А я так был разгорячен погоней, что бросился следом.

И вот когда до dna балки оставалось уже немного, я ощутил за спиной какое-то движение. Оползень. Я едва успел отскочить в сторону. Рядом со мной кубарем пронеслись пара тонн глины и известняка...

Испугался страшно. Догонять «фашиста» мне уже не захотелось. А тут я еще увидел, что в месте обвала чернеет какая-то дыра. Пещера. Или расщелина.

Ноги трясутся, но так и подмывает заглянуть. Фантазия разыгралась. А вдруг там лаз к центру Земли? А вдруг живут динозавры?.. Я тогда Жюлем Верном зачитывался.

Подошел. Заглянул в дыру и увидел, что там не пещера или расщелина – там что-то вроде подземного хода. Высота – метра три. Ширина – метра два. На полу – толстый слой пыли.

Постоял немного. И стал карабкаться по склону вверх. Увидев мальчишек, издали помахал рукой и побежал домой.

Родители вот-вот должны были вернуться с работы. Я схватил школьный ранец и набил его снаряжением: фонарик, запасные батарейки, отцова фляга с водой, аэрозольный баллончик с белой краской, кухонный топорик...

Когда вернулся в балку, уже стемнело. Дыра и чернота внутри ее казались еще страшнее, но я включил фонарик и полез.

Сперва шел направо. Вскоре наткнулся на завал. Наверное, в этом месте свод не выдержал. Лишь тогда я понял: здесь очень опасно гулять. А я ведь даже записку не оставил, где меня искать, – в случае чего.

Вернулся к дыре с твердым намерением уйти домой. Посветил фонариком налево – просто так, на прощание. И подземный ход меня словно позвал...

– Что-что? – переспросил Колька. Рука, которой он отвел низко нависающую ветку, дрогнула. Послышалось: «Шлеп!..»

И почти сразу:

– Твою мать! Я себе чуть глаз не выбил!!!

– Может, я немного преувеличил, но по существу все верно. Чтобы выкопать ход, корячились десятки, а может, и сотни людей. Когда-то им пользовались. А теперь он пустовал, заброшенный, никому не нужный. Я, наверное, был первый человек за последние века, кто в него пришел. И сразу же решил его покинуть...

В общем, я сам не заметил, как зашагал налево. Рисовал время от времени на стене белую стрелку аэрозолью и брел дальше.

Иногда встречались боковые ответвления. Поначалу я не сворачивал. Придерживался как бы основного хода. Мне было интересно, какой он длины и где заканчивается.

Узнать не удалось: дорогу преградил завал. Я вернулся к ближайшему ответвлению и отправился дальше. Вскоре наткнулся на еще один завал и снова был вынужден изменить маршрут. Потом – на еще один...

К тому времени я даже примерно не знал, где нахожусь. То ли я под Кобякиным городищем, то ли уже под Аксаем. Но

меня это не волновало. Был уверен, что без проблем найду путь обратно благодаря стрелкам на стене.

Часа через два устал. Ничего интересного не увидел. Хотел направиться в обратный путь, и тут вдруг впереди что-то блеснуло, отразив свет фонарика. Что-то длинное, металлическое. Я невольно ускорил шаг. А когда подошел ближе, заорал от ужаса...

– Это был призрак женщины в белом? – осведомился Колька.

– Нет, скелет. Мужской. От одежды почти ничего не осталось, но сразу было ясно, что она очень-очень старая. Около правой руки мертвеца лежала сабля, наполовину засыпанная пылью. Это она сверкнула... И только я увидел скелет, кто-то словно произнес: «Дальше не иди. Не надо».

– Опять тебя на голливудские ужастики потянуло, – сказал Колька.

– Не совсем так. Это трудно объяснить... Иногда мне казалось, что подземелье настолько давно не видело людей, что ему хотелось поговорить со мной.

– Э-э-э... Слышь, Вован, у тебя психических в роду нет?

– Ты не понял. Скорее это возможно ощутить, чем осознать. В общем, я посветил вперед. И метрах в двадцати увидел... дверь.

– Что еще за дверь?

– Железная. Кованая. Ржавая. Очень старая... Что за ней, не знаю. Едва я шагнул вперед, что-то оглушительно затре-

щало. Пол и стены содрогнулись. И участок хода перед дверью завалило... От неожиданности я выронил фонарик. Он упал и погас. Я оказался в полной темноте, а впереди, совсем близко, продолжало падать и сыпаться.

Я бросился бежать. Тут же оступился и упал. Поднялся, побежал, натываясь на стены... И остановился. До меня вдруг дошло, что без фонарика я обратно вернуться не смогу. Как же я метки на стенах увижу?

Вскоре обвал прекратился. Я выждал немного и стал ползать, ища фонарик. Сперва нашел ранец. Потом наткнулся на скелет. Нашупал саблю и машинально сунул ее в ранец. Нашел фонарик, обрадовался. Вот только он не работал – лампочка разбилась.

Страшно было. Очень страшно. Запасные батарейки я с собой взял. А о лампочке как-то не подумал. Час просидел, прижавшись к стене. А может, и два, не знаю. Потом немного успокоился. Стал вспоминать, как шел, куда и сколько раз сворачивал...

– Да неужто вспомнил? – восхитился Колька.

– Нет, конечно. Я трое суток блуждал – искал выход из подземелья. Когда закончилась вода, пришлось совсем плохо. Я то рыдал, как маленький, то маму звал, то стихи читал.

Мерещилась всякая чертовщина, но я ее уже не воспринимал. Встреть я пресловутую женщину в белом, прошел бы мимо, как будто это фонарный столб. Или спросил бы: «Не подскажете, а как отсюда выйти?»»

– А что за чертовщина-то?

– Всякая, – буркнул Владимир. – Наверное, от стресса и усталости мозги начали отказывать. Я тупо шел вперед, а потом вдруг увидел свет впереди и даже не обрадовался. Как зомби, вылез из дыры, вскарабкался по склону. Миновал пустырь, вышел на дорогу. Только здесь немного пришел в себя. Смотрю – я в Мухиной балке, под открытым небом. Мимо какие-то люди идут. Смотрят на меня квадратными глазами.

Что и говорить – видок у меня был будь здоров. Одежда грязная. На спине ранец, а из ранца сабля торчит, и на рукояти бриллианты сверкают...

Сейчас люди озверели. А тогда подошли, спросили, все ли со мной в порядке, и домой отвезли. А там, как ты догадываешься, родители были уже за гранью умопомрачения...

– Вломили?

– Не сразу. Сперва безумно обрадовались, что живой. Потом стали расспрашивать и ругать.

– Сабля, которую ты нашел, их не смягчила?

– Наоборот. Отец совсем взбесился за то, что я взял ее и принес. Выдрал, как сидорову козу.

Поздно вечером мы с отцом пошли в балку, чтобы вернуть саблю на место, но дыры уже не было – накануне прошел дождь, он вызвал новый обвал.

А тут еще о драгоценной находке узнали соседи и расстрезвонили на весь поселок. Так что пришлось ее в музей

сдать...

Музейщики, разумеется, обалдели, когда увидели, – такая уникальная вещь! Нам выплатили вознаграждение. Не то триста, не то четыреста рублей. По тем временам неплохие деньги, но все равно – копейки. Мама с бабушкой в церковь пошли. Свечек купили, молебен заказали. Чтобы отвести от меня проклятие, которое лежит, по преданию, на всех кладах...

– Ну и как? Помогло?

Владимир помолчал немного.

– Иногда я думаю, что проклятие отвели лишь частично. А то отчего у меня вся жизнь наперекосяк?

Поле кукурузы осталось позади. До околицы приятели молчали.

– М-да, – наконец сказал Колька.

– Ты мне не веришь?

– А где она сейчас?

– В областном краеведческом музее. С табличкой: «Найдена учащимся 5-го класса средней школы В. Герасимовым. 1987 г.».

– С какого часа музей работает?

– Не помню. Кажется, с десяти.

– Ага. – Колька прикинул что-то. – Водка отменяется...

Если семичасовым автобусом поедem, то успеем к открытию.

– Значит, все-таки не поверил?

– Не в этом дело. Да и тебе будет полезно взглянуть...

– Я не могу, – тут же сказал Владимир.

– Что так?

Ростов вызывал ассоциации с неудачным этапом семейной жизни. Сабля – с неприятным эпизодом детства. Но как это Кольке объяснить?

– У меня денег ни рубля, – брякнул Владимир первое, что пришло в голову.

– Спокуха! – сказал Колька. – Я оплачу проезд в обе стороны.

* * *

Автобус остановился. Открылись двери, и из динамиков зазвучал приятный женский голос: «Ворошиловский проспект. Следующая остановка...»

Приятель вышел из салона на тротуар, мощный плиткой. Глянули на витрину «Военторга» и направились к подземному переходу.

– Эй, генеральный спонсор круиза! – сказал Владимир. – Как насчет эскимо?

Колька решительно свернул к ближайшей мороженнице. Посмотрел на ценник, пожал плечами:

– Гулять так гулять...

С мороженым в руках спустились в подземный переход, который вернее было бы назвать торговым центром. Изобилие товаров – на безденежье – раздражало.

– Гляди у меня, – проворчал «спонсор», грызя свою порцию. – Если никакой сабли нет, обратно будешь пешком топтать!

– А когда покажу, – огрызнулся Владимир, – ты меня домой на руках понесешь!

Колька промолчал. С того момента, как приятели сели в автобус, он вообще что-то был неразговорчив. О чем-то думал. Да так интенсивно – того и гляди, пар из ушей повалит...

Оживился, увидев каменных баб, стоящих во дворе музея. Принялся ржать.

– Ты чего? – спросил Владимир.

– Как они на мою бывшую жену похожи!.. Особенно вот эта!.. – Ткнул пальцем в нечто, состоящее как будто из трех округлых глыб. – Точь-в-точь Ирка! Здравствуй, дорогая! Здравствуй, о, ужас!..

– Поздравляю со встречей. Может, еще воссоединитесь...

– Типун тебе на язык! – заорал Колька и направился в здание с такой быстротой, словно опасался, что каменное изваяние скифских времен оживет и потащит его в ЗАГС.

Владимир на минуту задержался, рассматривая старинную чугунную пушку – она лежала на бетонном лафете справа от входа. Интересно, сколько людей ты убила? Сколько домов разрушила? Не твоими ли ядрами крушили стены крепости Азов, когда Петр I отвоевывал у турок проход к Черному морю?..

И тут хриплый, бурлящий искренним негодованием рев сотряс холл музея и вырвался во двор:

– Пятьдесят рублей? Да вы тут все что, белены объелись?!

– Черт!.. – Владимир бросился в широкую и высокую двустворчатую дверь.

* * *

– Я уроженец станицы Старочеркасской! – орал Колька. Слюни веером летели на сухонькую старушку в синей униформе с неестественно прямой осанкой, как будто она проглотила швабру. – Я – донской казак! И вы берете с меня деньги за то, чтобы посмотреть на вещи моих дедов-прадедов?! Они что, для этого кровь проливали?

– Молодой человек, за посещение музея всегда взималась плата. Даже в годы советской власти...

Колька наклонил голову, разглядывая темечко собеседницы.

– А мне советская власть не указ! Именно большевики репрессировали казачество как этнос!..

– Надо же, какие слова ты знаешь, – произнес Владимир. – А ты вообще когда-нибудь в музей заходил?

– В школе нас водили, было дело... – На секунду Колька стушевался. – По двадцать копеек собрали – как щас помню... – И снова заорал: – По двадцать копеек, а не по пятьдесят рублей! Ну, была бы плата десять рублей, как в туалет,

я бы ничего не сказал!

– Или плати, или уходим, – сказал Владимир. – Перед людьми неловко.

– А, гори все синим пламенем!.. – Колька полез в карман. Достал мятую сторублевку, сунул в кассу. – Ну, теперь можно идти?

– То, что вы хотите увидеть, находится в Золотом зале. Мы пускаем туда только группами не менее шести человек. И – обязательно – в сопровождении экскурсовода!

– Вы хотите сказать, что я – вор? – Колька побагровел.

«Чья бы корова мычала, – подумал Владимир. – Не с тобой ли я прошлой ночью ходил по цветные металлы?»

– Таков порядок... – попыталась объяснить кассир.

– А мне наплевать на ваши идиотские порядки, ущемляющие мои гражданские права! – заорал Колька. – Может, мне справку из ментовки принести? Типа: нет, не был, не привлекался? Или характеристику с места работы?

– Пожалуйста, успокойтесь, – сказала старушка. – Справка не нужна. Если вы хотите идти не в группе, а сами по себе, то вас будет сопровождать квалифицированный экскурсовод. Стоимость его услуг невелика – двести рублей.

– Еще двести рублей? Да вы тут что, все с дуба рухнули?! – Колька в бешенстве оглянулся на приятеля.

– Не очень-то и хотелось, – сказал Владимир. – Поехали обратно.

– Я тащился хрен знает куда не для того, чтобы вернуться

не солоно хлебавши! – заявил Колька. И швырнул в окошко деньги.

«Ого, – подумал Владимир. – Что он, интересно, задумал, если готов такие деньги истратить?»

– Подавитесь, хриstopродавцы! – Колька был громогласен. – Ну, где наш личный вертухай? Чтоб через минуту здесь был! За него заплачено!

– Поднимитесь по этой лестнице. Вас встретят.

– Охренеть можно! – ворчал Колька, гулко ступая по широкой мраморной лестнице. Приятели шли на второй этаж. – Триста рублей! Это ж почти пол-ящика «паленки»!

* * *

Экскурсовод оказался мужского пола – невысокий, ладный парень лет тридцати. Общая чернявость и тонкие усики делали его похожим на покойного Джохара Дудаева.

Он стоял на лестничном пролете второго этажа, не без любопытства глядя на идущих.

– Это вы в Золотой зал?

– Глаза разуй! – проворчал Колька. – Кроме нас, еще кого-нибудь видишь?

– Интересуетесь историей Донского края?

– Ага, мы от нее тащимся, как блоха от дихлофоса.

– Хлопцы, мне не нужны проблемы...

– Нам тоже. Ты – экскурсовод?

– Да.

– Мы будем смотреть, а ты не путайся под ногами. И тогда проблем не будет. Все ясно?

– Что ж тут непонятно... Появятся вопросы – обращай-тесь.

– Обратимся, и не сомневайся, – буркнул Колька. – Еще забодаешься в справочниках рыться...

– Прошу прощения за моего друга. – Владимир решил, что пора вмешаться. – У него была трудная ночь. Ну, начнем?

Экскурсовод кивнул и жестом указал на дверь. Вошли, огляделись и приступили к осмотру.

Золотые изделия, найденные в курганах, быстро надоели. Хотя сперва они вызвали у Кольки огромный восторг: надо же, какие цацки находят в курганах!

Мимо манекенов, облаченных в наряды, расшитые золотом и серебром, пробежали, как мимо тряпья в секунд-хенде.

Наконец, добрались до витрин с холодным и огнестрельным оружием XVII—XIX веков. Пищали, ружья... Каждому экспонату – цены нет.

– Сабля, сабля! – вдруг лихорадочно забормотал Колька. – Смотри! У, какая!..

Владимир подошел ближе. Серебряные накладки на эфесе, хищное лезвие, несколько не потемневшее за века... А на рукояти холодно горели драгоценные камни. Надпись гласи-

ла: «Казацкая сабля, XVII век».

– Красивая, дорогая. Но не моя.

– Ты уверен?

– Вот здесь, на рукояти, был крупный рубин.

– Господи! – сказал Колька. – Да если из нее только камешки выдрать да загнать... – воровато оглянулся в сторону экскурсовода, – это ж на всю жизнь хватит да еще внукам останется! – Вихрем понесся вдоль стеллажа, тыча пальцем во все, что походило на острое, режущее и колющее: – Эта?

– Нет.

– Эта?

– Это, вообще-то, кинжал. Турецкий, если верить табличке.

– Не умничай! Ищи! Смотри внимательно!!!

Кольку буквально колотило от азарта. «Вот она, пресловутая золотая лихорадка, – подумал Владимир. – И самое забавное – совершенно платоническая. На что он рассчитывает? Обратно мне саблю не вернут. Даже если я до второго пришествия буду стоять на коленях и умолять...» Наконец вся экспозиция была осмотрена.

– Пропустили, да? – сказал Колька. – Давай пройдемся по второму разу.

– Ее нет, – сказал Владимир.

– Не понял! Что значит – нет? Ты мне соврал?

– Ее нет в экспозиции.

– А где она?

– Я откуда знаю?! Я что, здесь работаю?

– И то верно... – Колька повернулся к экскурсоводу: – Слышь, к тебе вопрос есть!

– Слушаю вас? – Экскурсовод подошел ближе.

– Почему на экспонатах таблички нет? Типа: дар Васи Пупкина. Или: найдена Васей Пупкиным. А то, понимаешь, мы ищем вполне конкретную вещь...

– Я тут недавно работаю, – смутился экскурсовод.

– Пользы от тебя!..

Колька замер. Поскреб где-то за ухом. И опрометью бросился в другой конец зала. С таким грозным видом, что у Владимира захолонуло сердце. Воображение мигом нарисовало страшную картину: все разбито и сломано, а на полу в лужах крови валяются тела посетителей и служащих, не выдержавших допроса с пристрастием...

Догнать Кольку удалось только в соседнем зале. Приятель стоял рядом с женщиной средних лет. Судя по излишне благообразному лицу и униформе – сотрудницей музея.

Как и ожидалось, разговор шел на повышенных тонах.

– Да нет, не я! – сердился Колька. – Я бы ее точно в музей не отдал! Я что, сын бешеных родителей?!

– Добрый день, Елена Сергеевна, – сказал Владимир, глянув на бейджик, прикрепленный к той части тела служащей, где у других лиц ее пола бывает грудь. – Не знаю, что вам сказал мой друг. Я попытаюсь в двух словах объяснить ситуацию.

– Сделайте одолжение.

Они тут все что, с одного курса Института благородных девиц?

– Когда-то, в 87-м году, я нашел саблю. Казацкую, очень старую. Мы ее отдали в музей. Вчера я случайно рассказал о находке. Друг захотел увидеть своими глазами. И вот мы приехали, все осмотрели, а той самой сабли нет.

В глазах служащей словно вспыхнули лампочки.

– Вы – «Вэ Герасимов»? – осведомилась она.

– Да, могу паспорт показать...

– Не надо.

– Так что с ней?

– Она выставлялась недолго. Сейчас в запаснике.

– А можно на нее взглянуть? – спросил Колька. – Хоть одним глазком.

– Это нежелательно...

– Почему?

– Поговорите лучше с директором. Сюда, по коридору и налево... Я вас провожу.

* * *

В узком и длинном, как пенал, кабинете невысокая грузная блондинка предпенсионного возраста с тяжелым вздохом указала на стулья, выстроившиеся вдоль стены, а сама разместилась за письменным столом.

– Присаживайтесь. Слушаю вас.

Судя по строгому виду, директор была готова уделить случайным посетителям не более пяти минут. Но когда услышала, кто пришел, встрепенулась. И в глазах ее тоже словно зажглись лампочки.

– Очень приятно с вами познакомиться, Владимир... Владимир...

– Юрьевич.

– Да, Юрьевич. Много раз порывалась вас отыскать, но все течучка мешала, заботы, проблемы...

– Само собой, – поддакнул Владимир. – А в чем дело?

– Находка была сделана очень давно. Мы практически ничего не знаем. Даже то, где вы нашли саблю.

– В балке, за Аксаем.

– Это было погребение?

– Не совсем. Сабля лежала рядом со скелетом.

– Я подозревала что-то в этом роде! – воскликнула директор. – А точное место помните?

– Смутно. Мне тогда лет двенадцать было. А потом мы из Аксая переехали в поселок... Там сейчас, наверное, все перекопали и застроили до неузнаваемости.

– Какая жалость!

– Рассчитываете еще что-нибудь найти? – подал голос Колька.

– Не в этом дело... Ребята, вы люди суеверные?

– В меру, – ответил Владимир.

– Тогда, возможно, вы меня поймете. Наш регион богат на легенды о кладях. Вы, наверное, слышали о сокровищах босфорских царей, о кладе Степана Разина, о Золотом коне...

– Само собой.

– И в каждой легенде содержится предостережение.

– Это вы о некоей Женщине в белом, которая якобы сторожит клад Степана Разина? – буркнул Колька.

– А, ну да... – сообразила директор. – Вы же из Аксайского района. Там легенду о Женщине в белом знают все, от детей до стариков... Считается, что на все крупные клады наложено заклятие – чтобы его нельзя было найти. Или чтобы покарать любителей легкой поживы. А к некоторым приставлен Страж.

– Вступление несколько затянулось, – сказал Владимир. – Что именно вы хотите сказать?

– Понимаете... – Она замялась. – Едва сабля оказалась в стенах музея, у нас начала твориться всякая чертовщина. Мы не сразу обратили на нее внимание. То есть заметили, разумеется, что происходит что-то неладное, но не связали с появлением нового экспоната.

– Что за чертовщина-то? – поинтересовался Владимир.

– Ой, лучше не надо! – Она махнула рукой и перекрестилась. – Знаете, как говорят: не поминай черта – он и не придет... В общем, саблю от греха подальше отправили в запасник. А лет пять назад наш музей выделил экспонаты для участия в международной выставке. Наш Золотой зал временно

оскудел, и мы прошерстили запасник. Тогда-то, по всей видимости, кто-то потревожил саблю. Снова началась чертовщина. Да такая, что мы не на шутку встревожились. Подняли бумаги, чтобы выяснить, кто, где и при каких обстоятельствах нашел саблю. С вами тогда беседовал наш сотрудник – искусствовед Тимофеев. Увы, сохранилась только краткая докладная. Разузнать что-либо у самого Тимофеева невозможно. Лев Юрьевич умер месяца через три после беседы с вами.

– А я его помню, – сказал Владимир. – Такой сухонький старичок...

– Не такой уж и старичок. Ему тогда было сорок семь лет. Для мужчины это не возраст.

– А при каких обстоятельствах он умер?

– Понимаю, что вы имеете в виду. Нет, его смерть, скорее всего, не связана ни с чем... эдаким. Тимофеев давно болел – диабет, мы были в курсе. А потом началось диабетическое перерождение сердечно-сосудистой системы, один инфаркт, второй... Был человек – и нет человека, пусть земля ему будет пухом!

Помолчали немного.

– Значит, сабля в запаснике? – спросил Владимир. – Больше чертовщины не было?

– Мы пригласили батюшку, освятили помещения. Последние годы (постучала по столешнице с виноватой улыбкой – уж такая я суеверная, извините...) все спокойно. Но это

лишь полумера. Вот если предать останки владельца сабли земле, тогда все прекратится окончательно. Вы понимаете?

– Будет свободное время, я поброжу в тех местах, – пообещал Владимир.

– Так я не понял, – сказал Колька. – На саблю-то можно взглянуть?

– Во-первых, это довольно хлопотное дело. А во-вторых... пусть лучше лежит себе с миром.

– А в чем проблема-то? – набычился Колька. – Дайте команду и... – сделал широкий жест, зацепив при этом кофейную чашечку, стоящую рядом, на подоконнике.

Дзынь!..

– Блин... – стусевался Колька. – Извините... Я сейчас...

– Ничего-ничего, – сказала директор очень спокойно, даже ласково. – Я уберу осколки чуть позже... Ребята, а вы долго в Ростове пробудете?

– А что? – спросил Владимир.

– Не пожалейте двадцати минут времени и десяти рублей. Загляните в кафедральный собор – поставьте свечечку...

* * *

– Ты на хрена сказал ей свой адрес? – проворчал Колька, едва они вышли из музея.

– От меня не убудет.

– Дубина! Она нам мозги парила, чтобы разузнать, где ты

саблю нашел. Рассчитывает найти там еще что-нибудь...

– А тебе не все равно? – спросил Владимир.

– Сам пока не знаю. Подумать надо... – И Колька решительно зашагал через проезжую часть на другую сторону улицы.

– А-а!.. – закричал Владимир, устремляясь следом. – Так вот, значит, в чем дело? В кладоискатели решил...

Он не договорил: в метре от Кольки с визгом остановилась иномарка. Большая, черная. Господи, откуда она взялась?!

Из окошка высунулся бритоголовый водила:

– Куда прешь, баран ты эдакий? На дорогу смотри!

– Твою мать, – одними губами произнес Колька.

– Понаприезжала всякая плужня! – возмутился парень. – Ходит выпучив глаза! А я за твою тупость должен отвечать?! Козлы, блин!.. – бросил напоследок и дал по газам.

Приятель метнулся к тротуару. Остановились метрах в трех от дороги и не без облегчения перевели дух.

– Ведь не было же его! – пробормотал Колька. – Я на зрение не жалуюсь!

– Кажется, вон из того переулка вырулил.

– Спасибо, что объяснил. Мне сразу стало легче!

– Обрати внимание, – сказал Владимир. – Не успели мы заинтересоваться саблей, как сперва чашечка разбилась, а потом лихач чуть не задавил.

– Ты это к чему?

– Давай все-таки в собор заглянем.

– В станице тоже церковь есть... Валим из Ростова, пока еще что-нибудь не произошло!

* * *

Недавно церковь отремонтировали. Пахло краской, влажным мелом. Колька задержался во дворе у церковной лавки. Пока он выяснял, какие свечи ставятся во здравие, Владимир поднялся на крыльцо и, чуть робея, вошел в храм Божий.

Здесь было прохладно. Солнечные лучи, льющиеся сквозь цветные витражи под куполом, освещали лишь верхнюю половину обширного помещения. В нижней половине царил приятная полутьма. Владимир сделал несколько шагов и остановился, разглядывая иконы, роспись на стенах, столики с горящими свечами. Было слышно, как потрескивают фитильки.

А потом откуда-то появился человек. Высокий, широкоплечий, бородатый, в черной рясе, с крестом на груди.

- Здравствуйте, – негромко сказал Владимир.
- Вошел, а лоб не перекрестил... – укорил батюшка.
- Не умею.
- Так ведь русский вроде...
- Русский.
- Некрещеный, значит?
- Да.

– Атеист... или как?

– Стечение обстоятельств. До перестройки было нельзя – родители партийные. А потом религиозность превратилась в моду. Не хотел уподобляться показушникам.

– Приобщаются к Богу ритуалом крещения не для моды или показухи, а для себя... Звать-то тебя как?

– Владимир.

– Надо же, тезка. А живешь где? Что-то я тебя в станице не видел...

– Я из поселка.

– Ко мне ваши тоже ходят... Случилось что?

– Почему вы так подумали?

– Атеисты и некрещеные вспоминают о Боге лишь в очень трудную минуту. Так что, если ты пришел, для этого должен быть очень веский повод.

– Не знаю, сумею ли я объяснить.

– Попробуй.

– Говорят, что жизнь человека похожа на зебру. Состоит из белых и черных полос. Так вот, что-то эта черная полоса у меня слишком долго тянется. Все наперекосяк...

– Расскажи, – предложил отец Владимир. – Облегчи душу.

– В другой раз.

– Заходи в любое время, когда будешь в этих местах.

– Обязательно, – пообещал Владимир, уже решив, что не придет.

– А о крещении подумай. Может, твои проблемы из-за

этого. Ты сейчас как бы спорная территория. Бог тебя – свое творение – не забывает конечно же. Но чтобы выстоять и победить, нужно осознанно сделать выбор...

– Гм... – Владимир заинтересовался. – Простите, батюшка... А чем вы занимались до того, как приняли сан?

– Кровь проливал. Сперва в Афгане, потом – в Приднестровье и в Чечне...

И тут – весьма некстати – появился Колька со свечами в руках:

– Батюшка, а за здравие куда ставить? Туда? – указал в угол, там под иконой стоял низкий столик со свечами.

– Туда, туда... – Священник повернулся к Владимиру: – Не буду мешать вам общаться с Ним... Заходи.

– Обязательно, – повторил Владимир, сжимая в руке свечку, которую сунул приятель.

Подошли к столику. Его поверхность состояла из небольших – с монету – бронзовых чашечек под свечи. Колька, наклонив свою свечу, зажег ее от ближайшего язычка пламени. Воткнул в столешницу и умело перекрестился. Глаза при этом стали точь-в-точь как у пресловутой овцы, вернувшейся в стадо.

Надо же, подумал Владимир. А ведь он верующий – этот мелкий жулик, воришка и брехло!..

Чуть помедлил и поднес к горящему огоньку свою свечу – фитильком вперед.

Лесок закончился. По обе стороны от грунтовки потянулись дома с подворьями. Самые обычные дома – кирпичные или саманные, с квадратными фасадами, с черепичными или соломенными крышами. Колька на ходу полез в карман, пересчитал деньги. Лицо осветилось.

– А ведь на водку и колбасу хватит! Не все сожрал музей!.. Ты как?

– Никак, – ответил Владимир. – Спать хочу.

– Да ладно! Посидим, отметим боевое крещение...

– В другой раз как-нибудь, – сказал Владимир. – Я что-то устал, как собака. До свидания!

Колька внимательно посмотрел на него, пожал плечами:

– Ну, бывай, Вован...

Оставшись один, Владимир кое-как добрал до центра, где находилось здание поселковой администрации, со времен советской власти не знавшее даже косметического ремонта. Белые кирпичи потемнели, стали грязно-серыми. Пара окон на первом этаже заколочена фанерными листами. Из четырех скамеек, стоящих на аллее перед входом, уцелела только одна. От других остались металлические ножки, торчащие из асфальта.

Владимир плюхнулся на скамейку. Достал зажигалку и глянул под ноги, выискивая окурочек подлиннее. Черт, ни од-

ного приличного бычка! Одни фильтры.

– Спичек не найдется? – произнес кто-то совсем рядом.

– Нет.

– Тогда спрячь зажигалку, жмот!

Напротив скамейки стоял мужчина лет пятидесяти, коренастый, с красным обветренным лицом. Одет в застиранные джинсы. Цветастая рубаша на животе завязана узлом. Клинт Иствуд местного разлива. Только широкополой шляпы не хватает да пары кольтов на поясе.

– Так вам прикурить или в зубах поковыряться? – спросил Владимир, продолжая держать зажигалку в руках.

– Прикурить.

– Пожалуйста!

Когда мужчина возвращал зажигалку, Владимир поинтересовался застенчиво:

– А у вас закурить... э-э... не найдется?

– Найдется. – Протянул пачку фильтрами к собеседнику. – Прошу!

Владимир сунул сигарету в губы, поднес огонек. После первой же затяжки настроение улучшилось.

– Что-то мне твое лицо знакомо, – сказал мужик. – Ты – сын Юрьича?

– Да.

– Хороший был человек... Чем занимаешься?

– Клады ищу, – вдруг ляпнул Владимир.

– Кладоискатель? – заинтересовался мужик. Оглядел со-

беседника с нечесаной головы до стоптанных пыльных туфель. – Давно копаешь?

– Нет.

– Это хорошо. Бросай, пока не втянулся. Не разбогатеешь, только жизнь себе поломаешь. Кладоискательство – оно как наркотик. Если подсел да еще какую-нибудь мелочь накопал – хана! До самой смерти из шурфов не вылезешь... Я знаю, что говорю. У меня в роду три поколения бугровщиков. Я один соскочил, а они все свободное время на курганах проводили. Как возьмут лопаты в руки осенью, после сбора урожая, так до весны, то есть до посевной, домой приходили только мыться и спать.

– Неужели за все время ничего не нашли?

– Почему? Иногда натыкались на нетронутые захоронения. То пряжку золотую найдут, то сережки – ну, вроде клипс. Отец раз браслет нашел, витой, типа змейки... Да только это мизер. Если б за каждую тонну земли платили по рублю, наша семья бы озолотилась. И другие тоже. У нас в поселке каждый второй хоть раз в жизни да пытался копать...

– Вы сказали «курганы», «бугровщики»... Они искали только золото в скифских захоронениях?

– Они все искали. И казацкие клады, и Золотого коня, и царскую карету, затонувшую не то в Маныче, не то в Калитве во время переправы. – Мужик продолжал со сверкающими глазами: – Говорят, колеса были из чистого золота. На дверях

– серебряные накладки, а на них царский герб из червонного золота и бриллиантов. Бесценная вещь! Уникальная!

– А то! – поддакнул Владимир.

– Но только в курганах хоть что-то нашли. – Глаза у мужика потухли. – В основном мусор – черепки, наконечники стрел, гнилое тряпье...

Владимир хмыкнул. От себя он мог прибавить, что золотая лихорадка похожа на алкоголизм. Завязать в принципе можно. А вот навсегда излечиться – никогда. Только увидит бывший алкоголик бутылку, и от рецидива заболевания его отделяет лишь одна стопка. Вот скажи он сейчас этому «соскочившему», что когда-то нашел драгоценную саблю в подземелье, а за железной дверью, не исключено, стоят сундуки с сокровищами, и он тут же побежит за лопатой...

– Много, очень много золотишка прикопано в донских степях! – вздохнул мужик. – Наши места испокон веков были беспокойные, а народ лихой...

– Что ж редко находят, если много прикопано?

– Так ведь в те времена о магии знали больше, чем сейчас... – Мужик замылся.

– Это вы о заговорах и проклятиях? – помог Владимир.

– Вот-вот. Слышал о заговоре на сорок первого?

– Признаться, нет.

– Очень сильный заговор. С человеческими жертвоприношениями. Зато очень надежный. Сорок кладоискателей могут в нужном месте землю рыть, а только ничего не найдут.

Клад дастся лишь сорок первому.

– А есть способы избавиться от проклятия?

– Конечно. Например, с помощью барашка.

– Барашка?!

– Ну да. Когда станет ясно, что клад найден – осталось уже чуть-чуть, надо в этом месте барашка зарезать, полить землю его кровью.

– Какого именно барашка? – осведомился Владимир. – Белого или черного? Молодого или старого?

– Белого, молодого. А половину найденного сокровища раздать людям – абсолютно безвозмездно. Это хорошее средство, проверенное, но помогает, если проклятие не очень сильное. Если изначально люди знают, что проклятие наложено мощнейшее... или у сундука увидят человеческие черепа без всего остального, то лучше сразу отступить. Иначе эта находка будет аукаться внукам и правнукам по двенадцатое колено!

* * *

– Здравствуйте, баба Таня! – поздоровался Владимир, увидев на другой стороне улицы соседку.

Баба Таня восседала на скамеечке, сложив пухлые руки на животе. Одета, как всегда, в ситцевое платье. На голове – косынка, вышитая цветочками.

За последние десять лет соседка ничуть не изменилась,

даже не постарела. Казалось, она вечно будет сидеть на этой скамейке, глазеть на прохожих и впитывать обрывки разговоров, чтобы вечером, когда к ней подсядут две-три поселковые сплетницы, выдать на-гора какие-то прихотливые версии, проистекающие из дневных наблюдений и собственной фантазии.

– Здравствуй, Вова, – ответила баба Таня, брюзгливо поджимая губы.

Владимир открыл калитку. Спинай ощутил на себе пристальный, давящий взгляд. Баба Таня пялилась так, словно хотела дыру проглядеть. А уж о чем она думала, догадаться не трудно: приехал бездельник из города. Вместо того чтобы работать, родную сестру с малолетним ребенком объедает да водку жрет!

Ничего, решил Владимир. Через месяц вернется Ленкин муж, уехавший в Москву на заработки. Надо с ним потолковать. Может, в их шабаш-бригаду нужен разнорабочий? На все согласен: доски подносить, за водкой бегать, за пьяными блевотину убирать...

Подошел к входной двери, обитой клеенкой. Нагнулся, отыскал под половиком ключ. Из прихожей, содрав туфли, зашагал на кухню. Пол под ногами хрустел и прогибался. Все гнилое. Все на честном слове. Не отчий дом, а одна видимость. Плюнь – развалится...

На газовой плите стояли кастрюля с макаронами и сковорода, прикрытая крышкой. Судя по запаху, в сковороде ле-

жали котлеты. Глотнув слюну, Владимир приподнял крышку. Пять штук. Хлеба в них, конечно, больше, чем мяса, но выглядят они весьма и весьма аппетитно...

Трясушимися от нетерпения руками положил на тарелку макароны и одну – только одну! – котлету. Повернулся к столу. Выдвинул ящик, в котором лежали вилки-ложки.

И только тут увидел записку.

«Вова, – было написано на страничке из тетради в клеточку, – я с Сережей-младшим в Ростове. Буду часов в семь-восемь. Если тебе не трудно, прибери во дворе. Завтра утром приедет мусоровозка.

Лена».

Гм... А она зачем с сыном в Ростов подалась? Да еще в будний день...

Думать мешала тарелка с едой. Ладно, решил безработный, втыкая вилку в макароны. Вернется – сама расскажет.

Как он ни старался есть медленно и тщательно прожевывать пищу, содержимого тарелки хватило минут на шесть-семь. Владимир глянул в сторону кастрюли. Может, еще положить макарон – их много?.. Нет, лучше не дразнить желудок.

Помыв посуду, Владимир цапнул початую пачку сигарет, забытую Ленкой на серванте, и быстро – от соблазна подальше – вышел во двор. Закурил. По-хозяйски огляделся. Так. Поленица рассыпалась. Двор надо подмести. Груды хлама, накопившегося у сарая, переместить к забору. Работы на

два-три часа. При условии, что голова свежая, организм отдохнувший, а в желудке не лежат комом непереваренные макарены.

Владимир подошел к насосу артезианского колодца. Снял рубашку, повесил ее на ближайшее дерево. Ухватился за ручку, стал качать. Под ногами, на глубине 30 метров, зашипело, заурчало. Еще качков пять – и из крана хлынула ледяная вода. Владимир тут же рухнул на колени, подставил голову и спину под струю. Заорал:

– Ха-а-ара-а-шо!..

Наконец вода перестала течь. Владимир отбросил со лба намокшие волосы и бросился к поленнице. Сложив дрова, принялся метаться от сарая к забору, перенося мусор и хлам – ржавый остов велосипеда, разбитые деревянные ящики, пару раскисших и развалившихся картонных коробок, кульки, набитые пустыми консервными банками, пластиковыми бутылками, очистками, яичной скорлупой, рваной и скомканной бумагой...

Теперь осталось самое занудное – подмести двор, уложить сор в тачку и поставить у забора. Мусорщики завтра все заберут.

Остановился перекурить. И тут понял, что кролику уже недолго скакать на подсевших батарейках. Навалилась сильная усталость. Даже в глазах потемнело.

Повторное омовение ледяной водой сил и бодрости не прибавило. Стиснув зубы, Владимир взял в руки метелку

и превратился в работа-уборщика, апатично совершающего одно и то же действие:

Шрххх!.. Шрххх!.. Шрххх!..

Он часто прерывался на перекуры. С каждой минутой метла становилась все тяжелее и тяжелее. А двор казался все больше и больше. Никогда не удастся закончить его уборку. Все равно что вычерпать ложкой океан.

Момент, когда невероятное все-таки произошло, Владимир как-то не запомнил. Бросив метлу, выкатил из сарая тачку. Вооружился совковой лопатой и битых полчаса таскал тачку от одной кучи дворового мусора к другой.

Когда куч не осталось, побрел в дом. Ничком лег на диван в гостиной и закрыл глаза.

* * *

Женщина была молодая, красивая, улыбчивая. Черные вьющиеся волосы, ниспадающие на плечи. Серые глаза. Пухлые чувственные губы. Одета в белый греческий хитон, туго затянутый узким поясом, что придавало ее фигуре некоторое сходство с песочными часами.

– Что ты отдашь взамен? – проворковала она.

– Не знаю, – растерялся Владимир. – У меня ведь ничего нет...

– А ты согласишься отдать свои ноги?

– Пожалуйста.

– А руки?

– Забирай! – Владимир хмыкнул. – Это же сон...

– Меня радует твоя щедрость. А свою голову ты мне отдашь?

– Без головы я умру. Даже во сне.

– Не обязательно. У меня вот, например, нет головы – и ничего...

Она вдруг заплакала – громко, навзрыд.

– Ну вот, – пробормотал Владимир, пытаясь ее обнять. Чтобы утешить красавицу, приголубить. – А говорила, что ничего страшного. Можно, дескать, и без головы жить...

От звука собственного голоса он проснулся.

Черт, это действительно был сон. Но какой яркий, запомнившийся даже в деталях!.. Владимир перевернулся на бок. Старый диван заскрипел, жалобно заныли пружины. На улице смеркалось. Часов восемь вечера, не меньше.

И тут Владимир вновь услышал женский плач. Как это понимать? Он снова заснул? Или ему лишь приснилось, что он проснулся, а на самом деле он продолжает спать?

Женщина рыдала где-то совсем рядом. Кажется, на кухне...

Дверь на кухню закрыта, но осталась щель сантиметров десять – двенадцать. Владимир заглянул, обмирая от каждого удара сердца. За столиком, в полутьме, спиной к двери сидела какая-то женщина. Это она плакала, обхватив голову руками. Кто это? Неужели та самая прекрасная незнакомка

в хитоне?!

Владимир собрался с духом. Протянул руку к выключателю, и свет залил кухню. Женщина вздрогнула, обернулась. Щеки мокрые от слез, тушь потекла. Она была не в белом хитоне, а в синих джинсах и майке с длинными рукавами.

– Ты дома? – сказала Лена негромко.

– Да, я спал. Что случилось, сестренка?

Лена ответила, извлекая из пачки сигарету:

– Я была в Ростове. – Щелкнула зажигалкой, прикурила. – Надо было показать Сережу профессору... – Затянулась. – В общем, диагноз подтвердился. Более того, за три недели наступило заметное ухудшение... – Губы затряслись, как будто Лена снова хотела разрыдаться. Владимир вспомнил, что сестра как-то жаловалась ему. Говорила, что сын какой-то бледный, вялый, аппетита нет. Надо его врачам показать. Значит, она сегодня взяла отгул и поехала...

– Лейкемия, – не произнесла, а прошептала Лена. – Какая-то скоротечная форма. Если в течение месяца сделать операцию, то шансы на выздоровление пятьдесят на пятьдесят.

– Какую операцию? – пробормотал Владимир.

– По пересадке костного мозга. И не в Ростове, а в Москве. Сорок тысяч долларов. Где я столько возьму?! Дом и половины не стоит!

– А где Сережка?

– На улице. С пацанами гыцает.

– Очень странно, – пробормотал Владимир. – Она же у меня хотела голову отрезать. То есть лишить меня мозга... Головной, костный – какая по большому счету разница!.. Почему она отыгралась на Сережке?!

Лена снова заплакала, и тут до Владимира дошло. Он ведь свою голову дать отказался. И незнакомка решила взять другую, его малолетнего племянника...

– Это я виноват! – сказал он твердо.

– Не говори глупости!

– Знаю, что похоже на бред, но это так! Ведь, кроме нашего мира, есть и другие миры – параллельные, астральные... Иногда они пересекаются.

– Господи! – сказала Лена, растирая слезы по щекам. – Вова, эти попойки с Колькой тебя до психушки доведут!

Ну как ей объяснить, чтобы поняла? Тем паче, что и самому не совсем ясно...

Владимир постоял еще немного, повернулся и вышел из дома, в котором все – даже сам воздух – было пропитано нищетой, безнадегой, горем...

* * *

– Я знал, что ты вернешься, – сказал батюшка. – Только не ждал так скоро...

– Может, выйдем? – предложил Владимир.

Батюшка молча зашагал к выходу из церкви. Остановился

у крыльца.

– Как церковь относится к магии? – спросил Владимир, глядя снизу вверх. Батюшка был на голову выше. Нависал, как старый, кряжистый дуб.

– Грех.

– Почему?

– От лукавого. А почему тебя это интересует?

– На человека можно навести проклятие? Такое, что жизнь пойдет наперекосяк?

– Ах вот ты о чем...

– Реально ли снять проклятие?

– На свете нет ничего невозможного. Стоит только захотеть. Очень сильно захотеть... А начать следует с себя. Очиститься. Стать ближе к Богу. Не забывать его... Ты, кстати, еще не надумал креститься?

– Я не совсем понимаю... – проямлил Владимир. – Ну, механизм, что ли, проклятия... Почему оно работает?

– Человек – очень внушаемое и податливое существо. Вне зависимости от возраста, пола, образования, принадлежности к той или иной религиозной конфессии. Существуют методы воздействия на подсознание через органы чувств – слух, зрение, обоняние. Так, можно внушить человеку веру в собственную неполноценность и ущербность. И вскоре его жизнь пойдет наперекосяк. Можно нанести удар по иммунитету в целом и отдельным органам в частности. Человек начнет болеть. В наиболее тяжелых случаях даже умрет...

– Минуту, отец Владимир. Я готов поверить, что при правильно подобранных обстоятельствах можно внушить человеку, что его сглазили, а фантазия любую неприятность раздует до вселенских масштабов. Допустим, разбил некто вазу. Он вспомнит: «А, ну все правильно, так и должно быть...» – и совсем падет духом, превратится в законченного неврастеника с навязчивой идеей. А как в таком случае сглаз и проклятие могут передаваться по наследству, из поколения в поколение?

– Психоз – дело заразное. Ребенок, выросший в «проклятой» семье, с раннего детства слышал о проклятии. Он с молоком матери впитал установку «И ты проклят. Тому подтверждение – судьба отца, деда, прадеда... и так далее». Ребенок свыкается с мыслью, что ему ничего хорошего на этом свете тоже не светит. Вырастет ущербным человеком. И передаст свои комплексы детям и внукам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.